

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

книжка 35

Я. И. РУДНЕВЪ

МАНЬЧЖУРИЯ

(ОЧЕРКЪ СТРАНЫ И НАРОДОВЪ)

501-12
1261

XVI 52
5
14
68

Я. И. РУДНЕВЪ

МАНЬЧЖУРІЯ

ПРИРОДА МАНЬЧЖУРИИ. — НАСЕЛЕНИЕ, ЕГО ПРОМЫСЛЫ,
БЫТЬ, ГОРОДА И УПРАВЛЕНИЕ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
«НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»—за Май—Июнь, 1905

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
книжка 35

МАНЬЧЖУРІЯ.¹

ПРИРОДА МАНЬЧЖУРИИ.

I.

Манчжурія или «Дунь-санъ-пэнъ», т. е. «Три восточныхъ провинціи», занимаетъ съверо-восточный уголъ Китайской имперіи. На югъ Манчжурія омыается двумя заливами Желтаго моря, между которыми далеко выдается на югъ трехъугольный Ляо-дунскій полуостровъ, южная часть которого называется Квантуномъ. На западъ отъ Манчжуріи лежитъ пустынная и степная Китайская область Монголія и частію Собственный Китай, т. е. коренные китайскія земли. Южная половина восточной границы Манчжуріи приходится на государство Корею, а съверная половина (по правому притоку Амура, Уссури)—на Россію. Далѣе русско-манчжурская граница идетъ по правому берегу рѣки Амура и по р. Аргуни, которая, сливаясь съ Шилкой, и образуетъ р. Амуръ. По картѣ сразу можно видѣть, что

¹ Источники и пособія: Д. Позднѣевъ. «Описаніе Маньчжуріи»; П. Красновъ. «По Азіи»; Путеводитель по «Велик. Сиб. жел. дорогѣ» изд. Мин. Пут. Сообщ.; Гаринъ, Карандашомъ съ натуры; С. Руничъ. «Въ Маньчжуріи», В. Комаровъ «Маньчжурія» и др.

наши сибирскія области—Забайкальская, Амурская и Уссурійскій край Приморской области охватываютъ Маньчжурію съ трехъ сторонъ, и напа граница съ ней имѣеть очень большую длину—по одному Амуру тянется на 1.700 верстъ. Маньчжурія такимъ клиномъ вдалась въ наши владѣнія, что намъ иначе и нельзя добраться до незамерзающихъ водъ Великаго океана, какъ черезъ эту страну. Здѣсь кончается наша сибирская же лѣзная дорога, и для насъ крайне важно, чтобы на этомъ пути, указанномъ намъ и природой и исторіей, для Россіи ни отъ какого другого государства помѣхи не было.

Маньчжурія занимаетъ площадь въ 600.000 квадр. верстъ. Если сравнить ее съ Японіей, то Маньчжурія будетъ вдвое больше, а такихъ губерній, какъ наша Московская, уложится на пространствѣ Маньчжуріи болѣе двадцати.

Большая часть Маньчжуріи занята горами. На западѣ я иду по направлению къ Амуру хребты Большого Хингана, вытянувшись въ длину приблизительно верстъ на тысячу, а въ ширину верстъ на триста. Сѣверные развѣтвленія его сопровождаютъ рѣку Амуръ до устья Сунгари, то подступая довольно близко къ рѣкѣ, то отходя отъ нея на значительное разстояніе, и слушаютъ водораздѣломъ между мелкими правыми притоками Амура и лѣвыми притоками Сунгари. На востокѣ отъ Сунгари мы видимъ на картѣ еще больше горныхъ хребтовъ, носящихъ разныя названія. Почти вся восточная Маньчжурія отъ Амура до Желтаго моря въ сущности представляетъ одну горную область, которая захватила пространство въ нѣсколько сотъ верстъ ширины, а въ длину, съ сѣвера на югъ—тысячи полторы верстъ, т. е. въ полтора раза длиннѣе нашего Кавказа. Но высотой своей, какъ Хинганъ, такъ и горы восточной Маньчжуріи значительно уступаютъ Кавказу. Онъ

не имѣютъ вершинъ, поднимающихся въ царство вѣчныхъ снѣговъ, и высотою рѣдко достигаютъ одной версты надъ уровнемъ моря. Самый высокій хребетъ тянется по границѣ Маньчжуріи съ Кореей и носить название Чанъ-бо-шанъ. Его развѣтвленія заполняютъ всю южную Маньчжурію и Ляо-дунскій полуостровъ.

Только въ одномъ мѣстѣ Чанъ-бо-шанъ имѣеть болѣе двухъ верстъ высоты, а именно на водораздѣлѣ истоковъ Сунгари и истоковъ пограничныхъ съ Кореей рѣкъ, Ялу и Тумень-ула. Здѣсь поднимается (на 8.000 фут.) громада Пекъ-тусанъ, со склоновъ которой стекаютъ въ разныя стороны названныя рѣки. Пекъ-тусанъ—это погасшая огнедышащая гора, кратеръ которой превратился въ глубокое озеро, верстъ десять въ окружности, окруженнное островерхими пиками, поднимающимися на нѣсколько сотъ футовъ надъ его уровнемъ. Вершина горы, покрытая обломками пемзы, имѣеть блестящую окраску, почему и называется «Бѣлоголовой». Маньчжуры и китайцы очень чтутъ эту мѣстность, посвященную предкамъ царствующей въ Китаѣ династіи, а еще больше побаиваются: рѣдкій изъ туземцевъ отважится спуститься къ озеру или близко подойти къ вершинѣ Пекъ-тусана.

Суевѣрный страхъ, внушаемый этимъ мѣстомъ, объясняется тѣмъ, что Пекъ-тусанъ по временамъ все еще напоминаетъ о своей прежней дѣятельности. Изъ потухшаго кратера часто вылетаютъ пары, а иногда и пемзовая пыль, слышится подземный гулъ, налетаютъ вихри. Туземцы приписываютъ все это страшному дракону, обитающему на днѣ озера, и, если случайно забредутъ сюда, спѣшать уйти по добру—по здорову подальше отъ этой обители таинственного чудовища.

Пекъ-тусанъ не единственная вулканическая вершина Маньчжуріи. Въ незапамятныя времена подзем-

ный жаръ земли проявлялъ въ Маньчжуріи могучую дѣятельность. Во многихъ мѣстахъ ея находились огнедышащія горы или вулканы, изъ которыхъ при изверженіяхъ выливались мощные потоки лавы, заполнившей долины и ущелья, покрывавшей острые края гранитныхъ утесовъ. Изъ этой лавы и образовалась рас пространенная здѣсь черная, пузыристая, иногда напоминающая стекло, горная порода—базальтъ. Морозъ и зной, вѣтеръ, а главнымъ образомъ здѣшніе проливные дожди, ручьи и рѣки давно начали свою на первый взглядъ незамѣтную, но зато вѣковѣчную и дѣятельную работу надъ этими базальтовыми толщами, прорыли въ нихъ глубокіе овраги и долины, мѣстами опять вывели на свѣтъ Божій древніе гранитные утесы. Поэтому въ Маньчжуріи рѣдко видишь горы въ томъ видѣ, какъ ихъ представляютъ, т. е. съ острыми гребнями, съ разнообразной формы вершинами. «Если взобраться на вершину этихъ хребтовъ, то лишь мѣстами увидишь узкие, причудливо изрѣзанные хребты гранитныхъ утесовъ; гораздо чаще глазамъ путешественника представляется ровная поверхность «столовыхъ» возвышеностей, выравненныхъ и плоскихъ, всюду поросшихъ густымъ, часто болотистымъ лѣсомъ: среди этой равнины глубоко залегаютъ широкіе овраги часто съ очень крутыми стѣнами, на днѣ которыхъ бѣгутъ съ шумомъ горные рѣки, а склоны опять таки густо заросли разнообразными деревьями» (В. Комаровъ).

По мѣрѣ приближенія къ долинамъ главныхъ рѣкъ Маньчжуріи и ихъ притоковъ, горы понижаются, являясь въ болѣе разрушенномъ, размытомъ видѣ. Низменности въ Маньчжуріи только и залегаютъ вдоль рѣкъ; мѣста занимаютъ онѣ сравнительно немного, но зато покрыты толстымъ слоемъ очень плодородной желтой почвы(лѣссы) образовавшейся изъ продуктовъ разрушения горъ.

II.

Отъ Пекъ-тусана легко на подробной картѣ провести границу между сѣверной Маньчжуріей, имѣющей общую покатость къ Амуру, и южной, покатой къ Печилійскому заливу и орошаемой главнымъ образомъ рѣкою Ляо-хэ. Сѣверная Маньчжурія по климату и природѣ, мало отличается отъ прилегающихъ областей Сибири, тогда какъ южная всецѣло принадлежитъ Китаю.

Обильные лѣтніе дожди сильно пропитываютъ влагой почву Маньчжуріи и образуютъ множество ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ. Самая большая рѣка Маньчжуріи—Амуръ, но онъ принадлежитъ ей однимъ правымъ берегомъ, да и то не на всемъ протяженіи своего теченія. Это большая, величавая рѣка, превосходящая своей длиной, шириной и многоводіемъ Волгу, въ разныхъ своихъ частяхъ представляетъ большое разнообразіе. Берега Амура то гористы, превращаясь мѣстами въ узкія ущелья съ обрывистыми, почти отвесными стѣнами, то стелются обширными низинами, одѣтыми лѣсомъ, кустарниками или роскошною высокою травою. Ширина главнаго русла рѣки не бываетъ менѣе полуверсты, а съ островами и притоками достигаетъ 7 и даже 13 верстъ. Широкій и глубокій Амуръ можетъ быть весьма важнымъ воднымъ путемъ. Къ сожалѣнію, судоходство на немъ прекращается мѣсяцевъ на пять (съ ноября по апрѣль), когда онъ замерзаетъ.

Съ правой стороны въ Амуръ течетъ множество притоковъ, но изъ нихъ только двѣ большихъ рѣки—Сунгари и Уссури, а остальная короткая рѣчки или горные ручьи, текущіе по глубокимъ оврагамъ, густо заросшимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Сунгари имѣеть болѣе 1200 верстъ длины. Составляется она изъ нѣ-

сколькихъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ горъ Чанъ-бонъя. Въ верхней трети Сунгари течеть среди невысокихъ, но живописныхъ горъ, при чмъ горы то стѣсняютъ рѣку, то разступаются, и она образуетъ разливы до 2—4 верстъ шириною, разбиваясь при этомъ на множество рукавовъ. Ниже по берегамъ, преимущественно по лѣвому, часто встречаются обширные низины, или поросшія травою или покрытыя сыпучимъ пескомъ, который отъ дѣйствія вѣтра мало-по-малу засоряетъ русло рѣки. Судоходна Сунгари отъ города Гирина, но фарватеръ ея мелокъ, извилистъ и часто встречаются мели. Двигаясь медленно по глинисто-иловатому дну, воды Сунгари чрезвычайно мутны и почти не годятся для питья.

Весеннее водополье на Сунгари незначительно, но зато лѣтомъ, когда въ средней Маньчжуріи льютъ сильные дожди, рѣка заливаетъ берега на десятки верстъ и мѣстами принимаетъ видъ моря, усеянного островами, между которыми барки съ трудомъ отыскиваютъ путь. Рѣка оживляется тогда несметными стаями водяныхъ птицъ—гусей, лебедей и утокъ.

Изъ притоковъ Сунгари самый большой—*Нонни*, очень похожая на Сунгари характеромъ своего теченія. До города Цицикара она течеть больше среди холмовъ и невысокихъ горъ, мелководна и камениста, но дальше глубока и судоходна во все время навигациі. Въ этой части она идетъ, медленно извиваясь и дробясь на рукава, по широкой безлѣсной равнинѣ съ глинисто-песчаной почвой. На этой равнинѣ мѣстами попадаются озера и болота, обязанныя своимъ происхожденіемъ громаднымъ разливамъ рѣки во время половодья.

Главная рѣка южной Маньчжуріи—пограничная съ Кореей рѣка Ялу и Ляо-хэ. Первая течеть въ красивой глубокой долинѣ, обставленной довольно высо-

кими, лѣсистыми горами. Ляо-хэ береть начало въ собственномъ Китаѣ. Въ Маньчжуріи она несетъ свои мутные воды среди однообразныхъ, песчаныхъ береговъ, которые на далекое пространство покрываются водою во время лѣтнихъ дождей. Судоходная Ляо-хэ служить очень важнымъ путемъ изъ Маньчжуріи къ морю; берега ея густо заселены и торговое движение по ней очень велико: на десятки верстъ по рѣкѣ бѣльются паруса плывущихъ по ней судовъ.

III.

Простираясь съ сѣвера на югъ тысячи на полторы верстъ и далеко уходя отъ моря внутрь материка, Маньчжурія, естественно, имѣеть и климатъ разнобразный, т. е. не вездѣ въ ней одинаково тепло, не вездѣ выпадаетъ одинаковое количество снѣга и дождя. Сѣверная ея часть лежить приблизительно въ той-же полосѣ или, какъ говорятъ, на той же широтѣ, какъ наша Москва, а южная уходитъ дальше на югъ, чѣмъ напрѣкъ Крымъ, и Закавказье. Но при всемъ томъ, въ климатѣ всей Маньчжуріи есть и общія свойства. Прежде всего она значительно холоднѣе соотвѣтствующихъ по положенію мѣстностей Европ. Россіи и Зап. Европы. Даже на югѣ Маньчжуріи зимою бываютъ сильные морозы, тогда какъ въ Закавказье и въ Южной Европѣ рѣки и море не замерзаютъ и всю зиму нѣкоторыя растенія остаются зелеными. Особенно суровъ климатъ западной Маньчжуріи, удаленной отъ моря. Другая особенность Маньчжуріи въ томъ, что здѣсь и вѣтеръ и дожди гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ.

Въ лѣтнее время, когда суши сильно нагревается, чѣмъ море, въ Маньчжуріи обыкновенно дуютъ юго-восточные вѣтры, несущіе тепло и обильные дожди, но

горы, лежащія на пути этихъ вѣтровъ, на нѣкоторыхъ частяхъ Маньчжуріи ослабляютъ ихъ дѣйствіе, а главное—вѣтры эти дуютъ только лѣтомъ. Когда въ сѣверномъ полушаріи наступаетъ зима, вѣтры начинаютъ дуть съ сѣверо-востока и сѣверо-запада, изъ обледенѣлыхъ странъ сѣверной Сибири, уносять съ собою всю влагу и заставляютъ землю сильно охлаждаться. Дѣйствіе этихъ леденящихъ вѣтровъ особенно замѣтно въ сѣверной Маньчжуріи. Климатъ южной Маньчжуріи нѣсколько теплѣе.

Въ сѣверной Маньчжуріи на западъ отъ Больш. Хингана зима длится до полутора, нерѣдко стоять 40-градусные морозы и сковываютъ Аргунь слоемъ льда въ сажень толщиною. На востокъ отъ Б. Хингана зима немнога короче и мягче, на Сунгари ледъ бываетъ не толще полусажени, но все-таки и здѣсь трескучіе, въ 30 градусовъ морозы не рѣдкость. Первый снѣгъ въ Маньчжуріи выпадаетъ обыкновенно въ ноябрь. Такъ какъ зимніе сѣверо-западные вѣтры дуютъ съ суши, то зима здѣсь малоснежна, за исключеніемъ большихъ хребтовъ и при-уссурійского края, гдѣ снѣгъ часто достигаетъ арпинной глубины и лежитъ до марта мѣсяца. На западъ отъ Б. Хингана царитъ почти безснежная зима. Если и выпадетъ снѣгъ, то такой сухой и въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не покрываетъ, какъ слѣдуетъ, землю и дѣлаетъ окружающей пейзажъ еще печальнѣе и безотраднѣе. Зимняя мятель здѣсь обыкновенно не снежная: вмѣсто снѣга летить въ лицо пыль, песокъ и даже мелкие камушки и до крови сѣкнуть кожу. Сухой холода особенно чувствителенъ, и только очень хорошая шуба можетъ защищать отъ леденящаго вѣтра.

И въ южной Маньчжуріи холода бываютъ очень сильны. Въ Мукденѣ въ январѣ морозы бываютъ гра-

дусовъ въ 26, устье Ляо-хэ освобождается отъ льда только въ мартѣ мѣсяцѣ, замерзаетъ и море у береговъ за исключеніемъ юго-восточного побережья полуострова Ляо-дунъ.

Маньчжурская весна очень непродолжительна. Уже въ февралѣ солнце начинаетъ замѣтно пригрѣвать, а съ конца марта и въ апрѣль температура всюду начинаетъ быстро повышаться. Въ апрѣль въ южной Маньчжуріи обыкновенно бываютъ высыпны почти всѣ хлѣба. Только на сѣверо-западѣ Маньчжуріи и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Больш. Хингана весна тянется долго: на днѣ глубокихъ овраговъ даже въ концѣ мая можно найти ледъ. Къ концу мая всюду въ Маньчжуріи очень тепло, даже жарко, при чемъ растительность оживаетъ со сказочною быстротою. Даже въ долинѣ Амура въ концѣ мая трава бываетъ такъ высока, что ее можно косить.

Лѣто и въ сѣверной и въ южной Маньчжуріи очень жаркое. Солнце палить невыносимо, и только въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на склонахъ Хингана и Чань-боптая, благодаря влажности воздуха, зной не такъ томителенъ. Въ Мукденѣ съ июня по сентябрь термометръ въ тѣни показываетъ обыкновенно болѣе 26° Р. Благодаря такому лѣту въ южной Маньчжуріи могутъ успешно рости рисъ, хлопчатникъ и индиго (растеніе, дающее синюю краску).

Мы уже говорили, что въ лѣтніе мѣсяцы въ Маньчжуріи дуютъ юго-восточные вѣтры, приносящіе съ океана огромное количество паровъ. По мѣрѣ того, какъ становится теплѣе, дожди льются чаще, сильнѣе и постепенно распространяются на всю Маньчжурію. На берегу моря внезапные опустошительные ливни, сопровождаемые сильными грозами, случаются уже въ серединѣ мая, затѣмъ число ихъ растетъ, а со второй половины іюля дожди обдаются всю Маньчжурію непрерыв-

нымъ ливнемъ. Ясные дни бываютъ рѣдко; воздухъ до такой степени бываетъ сыръ, что платье и обувь покрываются плѣсенью и съ трудомъ можно развести огонь. Дожди мѣсяца на два дѣлаютъ дороги совершенно непроѣзжими, а рѣки выступаютъ изъ береговъ и причиняютъ много бѣдъ своими наводненіями. Въ сѣверной Маньчжуріи въ сентябрѣ устанавливается совершенно сухая погода, а на югѣ дожди перепадаютъ даже въ октябрѣ.

Осень въ Маньчжуріи наступаетъ довольно рано и бываетъ очень непродолжительна. Въ началѣ сентября днемъ жарко, но по ночамъ бываютъ заморозки и листья на деревьяхъ начинаютъ опадать. Послѣ дождливаго лѣта здѣшня осень кажется лучшимъ временемъ года. Подолгу стоитъ тихая, ясная и сухая погода, а выпадающіе иногда жаркіе дни заставляютъ забывать о скоромъ наступленіи суровой маньчжурской зимы.

IV.

Обширная Маньчжурія, представляетъ большое разнообразіе по виду и характеру растительности. Въ этой странѣ есть и дремучіе лѣса, и степи, и пустыни, и пространства, самымъ тщательнымъ образомъ воздѣланныя рукою человѣка.

При всемъ разнообразіи растительности отдельныхъ мѣстностей Маньчжуріи путешественники однако замѣчали, что сѣверная Маньчжурія, по своей природѣ, является продолженіемъ Сибири, тогда какъ южная, густо населенная и хорошо обработанная, отличается большой примѣсью растеній, свойственныхъ Китаю и Японіи.

Сѣверо-западная Маньчжурія бѣдна лѣсами. Они встрѣчаются здѣсь только отдельными участками. По сырымъ долинамъ, по берегамъ рѣкъ и рѣчнымъ остро-

вамъ растутъ только ивы, тополи, да на скатахъ холмовъ иногда попадаются мелкіе кустарники. Тамъ, где горные долины засыпаны принесеннымъ изъ Монголіи пескомъ, появляются рѣдкія сосновыя рощицы. Плоскія равнины и плоскіе скаты горъ съ наносной солонцеватой почвой одѣты преимущественно травами. Лѣса начинаются уже на Больш. Хинганѣ, но на западныхъ его склонахъ деревья растутъ плохо. Чѣмъ выше Хинганъ, тѣмъ лѣсъ больше захватываетъ мѣста, и наконецъ образуетъ настоящую сибирскую тайгу съ такимъ густымъ подлѣскомъ, что иногда и пробраться черезъ него трудно. На восточномъ склонѣ лѣсъ еще гуще. Впрочемъ, и въ Хинганѣ сплошныхъ лѣсовъ нѣть: они не заходятъ на вершины, да и въ долинахъ только сѣверные и сѣверо-западные склоны одѣты лѣсомъ, а на остальныхъ склонахъ лѣса нѣть. По мѣрѣ того, какъ понижаются восточные отроги Хингана, рѣдѣютъ лѣса и начинаются степи. Они залегаютъ преимущественно въ области рѣки Нонни. Около Цицикара лѣса уже совсѣмъ нѣть, и всѣ деревья посажены рукою человѣка. Чудную картину представляютъ здѣшнія степи въ лѣтнее время. «Лиловые ирисы, бѣлые, желтые и красные лиліи, тюльпаны, фіалки, ковыль-трава съ бѣлыми метелками, чудные кормовые травы, травы такія густыя, что трудно идти, трудно проридаться сквозь ихъ прочные, упругіе стебли... Лѣсъ травъ» (П. Красновъ). Болотные луга, прерываемые полосками лѣса, по берегамъ Амура поражаютъ могучей силой своей травяной растительности. Травы такъ густы, что въ нихъ не видно всадника съ лошадью. Съ величайшими усилиями можно идти по этому морю высокихъ перепутанныхъ травъ; траву приходится пригибать чѣмъ-нибудь къ землю, но только что человѣкъ пройдетъ, какъ она уже снова поднимается.

Горные хребты отъ береговъ Сунгари и Амура до границъ Кореи большою частью одѣты великолѣпными дремучими лѣсами, состоящими изъ самыхъ разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Невысокіе холмы и берега рѣкъ покрыты рощами тополей, ивъ, ильмовъ, кленовъ, липы, дубовъ, маньчжурскаго грецкаго орѣшика (его орѣхи похожи на грецкіе, только меныше и съ заостреннымъ концомъ), бархатнаго или пробковаго дерева и многихъ другихъ лиственныхыхъ деревьевъ. Бархатное дерево получило свое название за толстую кору, бархатистую на ощупь; кора идетъ на поплавки, а желтоватая, темнѣющая на воздухѣ древесина очень цѣнится въ столярныхъ подѣлкахъ. Въ густомъ подлѣскѣ ростетъ много колючихъ кустарниковъ, гигантскихъ папоротниковъ, кустовъ жимолости и орѣшика, перепутанныхъ дикимъ виноградомъ. Южные склоны скалъ покрыты кустами жасмина съ бѣлыми душистыми цветами. Встрѣчаются въ здѣшнихъ лѣсахъ въ дикомъ состояніи даже сливы, яблони, вишни и персики. Чѣмъ выше, тѣмъ больше къ лиственнымъ породамъ примѣшиваются хвойныя: сосны, ели, стройныя лиственницы, а вершины хребтовъ покрыты сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе громадные корейскіе кедры, дающіе изобильный сборъ орѣховъ. Въ области рѣки Ляо-хэ лѣса сильно вырублены и уступаютъ мѣсто небольшимъ дубовымъ и тополевымъ рощамъ, фруктовымъ садамъ и необозримымъ пространствамъ тщательно обработанныхъ пашенъ и огородовъ. Южные отроги Чанъ-бо-шаня, наполняющіе полуостровъ Ляодунъ, еще бѣднѣе лѣсомъ. Вслѣдствіе крайняго безводія почвы рѣдко здѣсь встрѣчается искусственно разведенная роща или одинокое дерево; даже кустарниковъ мало, особенно на западѣ полуострова.

Подобно растительности, и животный міръ Маньчжуріи представляетъ замѣчательную смѣсь животныхъ, свойственныхъ и Европѣ, и Сибири, и юго-восточной Азіи. Здѣсь водится много породъ дикихъ животныхъ и при томъ въ болыпомъ количествѣ. «Въ густыхъ лѣсахъ Хингана бродятъ кабаны, волки и черный уссурійскій медвѣдь ищетъ добычи. Въ горной южной Маньчжуріи еще изрѣдка заляжетъ краснѣмъ пятномъ на уединенной скалѣ тигръ и, щуря желтые глаза и раздувъ бѣлые бакенбарды, зорко смотритъ, ища добычи. Пятнистый барсъ порою крадется сквозь камыши, идетъ неуклюжій медвѣдь, ползетъ енотъ, да рѣдкорѣдко лиса-чернобурка пронесется по степи, раздувъ по вѣтру драгоценное правило. Есть и соболь, и выдра, и обыкновенная красная лисица-сиводушка. Благородный олень, изюбрь со своими пантами,¹ дикая коза или гуранъ—солидная приманка звѣролова охотника, а послѣдняя довольно частая добыча даже и любителя-охотника» (П. Красновъ).

Лѣса и поля сѣверной Маньчжуріи подобно Сибири, мало оглашаются птичьимъ крикомъ, но разныхъ мелкихъ пѣвчихъ пташекъ, лѣсной и большой дичи здѣсь множество, особенно фазановъ.

Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ охота до сего времени была, да и теперь остается главнымъ промысломъ. Охотятся здѣсь и съ ружьемъ, и при помощи капкановъ, силковъ и загономъ звѣря въ изгороди, ведущія къ ямамъ, прикрытымъ травой или вѣтками. Въ Маньчжуріи, какъ и у насъ въ старое время, процветаетъ даже соколиная охота. Соколовъ ловятъ въ сѣти, куда для приманки сажаютъ голубя, а затѣмъ продаются на рынкахъ Цицикара, Гирина и другихъ городовъ. Соколи-

¹ Панты или рога изюбрея за очень высокую цену покупаются китайцами для приготовления лѣкарства.

ная охота требуетъ большой ловкости и умѣнья ъздить верхомъ. Чтобы отыскать сокола, когда онъ спустится на дичь, къ его хвосту привязываютъ звонокъ. Когда соколь заклюетъ зайца, фазана или другую дичь, его осторожно сажаютъ на руку, одѣтую въ перчатку.

Комары, оводы и мошки или, какъ зовутъ сибиряки, «гнусъ», лѣтомъ здѣсь являются сущимъ бичемъ и человѣка и животныхъ. Единственнымъ спасенiemъ отъ гнуса являются дымокуры. Китайцы устраиваютъ дымокуры даже у себя на головѣ: обматываютъ вокругъ шапки особеннымъ образомъ приготовленную толстую веревку и зажигаютъ одинъ конецъ ея, который медленно тлѣтъ и дымитъ, отгоняя насѣкомыхъ. Встрѣчаются въ Маньчжуріи и другія насѣкомыя, свойственные даже жаркимъ странамъ, напр., громадныя бабочки, замѣчательныя по своей красотѣ. На югѣ разводится осо-бой породы бабочка, дающая шелкъ.

Пресмыкающихся и земноводныхъ—змѣй, ящерицъ, лягушекъ, черепахъ—въ Маньчжуріи вообще мало. Но здѣшнія рѣки очень богаты рыбой, особенно Амуръ и его притоки. Горбуша и кѣта (изъ породы лососевыхъ) идутъ раза три въ годъ съ моря въ рѣки такими массами, что неводъ вытаскиваетъ заразъ по нѣсколько тысячъ штукъ рыбы. Амурскій осетръ вкусомъ не уступаетъ европейскому, а калуга достигаетъ 50 пудовъ вѣсу, только мясо ея грубѣе осетроваго.

Нѣдра маньчжурскихъ горъ богаты золотомъ, серебромъ, желѣзомъ и другими ископаемыми. Почва Маньчжуріи большей частью очень плодородна и хорошо родитъ разные хлѣба и овощи. Маньчжурія многимъ напоминаетъ сопредѣльныя съ ней области Сибири, но теплѣе, плодороднѣе ихъ и вообще щедрѣе одарена разными естественными богатствами. При всемъ томъ изъ предложенного очерка природы Маньчжуріи

можно видѣть, какъ много приходится человѣку здѣсь бороться съ природою. Особенно тяжела эта борьба для нашихъ войскъ, бывающихъ теперь съ японцами за честь и достояніе Россіи. Безконечныя горы, холмы, овраги и лѣсныя дебри всегда могутъ служить врагу прикрытиемъ и даютъ ему возможность тревожить войска неожиданными нападеніями. Къ суровой зимѣ русской человѣкъ привыченъ, но здѣсь и зима особенная—съ постоянными рѣзкими леденящими вѣтрами, безъ снѣгу, вслѣдствіе чего холодъ гораздо чувствительнѣе да и нельзя пользоваться саннымъ путемъ. Лѣтомъ солнце палитъ невыносимо, но всего хуже лѣтніе дожди, когда рѣки разливаются на десятки верстъ, по сухимъ прежде горнымъ долинамъ мчатся бушующіе потоки, а растворенная водой лесовая почва превращается на большую глубину въ жидкую грязь, такъ что дороги дѣлаются совершенно непроходимыми. Кромѣ того и на туземное населеніе мы не всегда можемъ полагаться: правда оно и не воюетъ съ нами, но къ намъ, какъ и ко всѣмъ европейцамъ, относится или равнодушно или съ затаенной враждою, хотя, разумѣется, есть и среди туземцевъ люди, сознающіе ту пользу, какую принесетъ краю владычество Россіи.

НАСЕЛЕНИЕ МАНЬЧЖУРИИ.

V.

Точная свѣдѣнія о числѣ жителей въ Маньчжуріи дѣлать трудно, но можно думать, что въ настоящее время здѣсь живетъ миллионовъ 15 людей. Наибольшей плотностью отличается южная Маньчжурія, а съверъ и востокъ страны населены сравнительно слабо. По средней плотности своего населенія Маньчжурія не уступитъ Европѣ, Россіи, но, при богатствѣ своей природы,

можетъ прокормить гораздо больше людей, чѣмъ теперь въ ней живетъ.

Населеніе Маньчжуріи дѣлится на три племенныхъ группы: монгольскую, тунгусскую и китайскую. Представители чисто-монгольского населенія (буряты, чипчины, олоты) живутъ въ очень небольшомъ числѣ на западѣ отъ Болыши. Хингана по сосѣдству съ Монголіей. По Амуру живутъ въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ мелкія тунгусскія племена—доуры, орононы, манегры, гольды и др. Общая численность этихъ народцевъ очень невелика. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., доуры, по одеждѣ, занятіямъ и образу жизни почти не отличаются отъ китайцевъ, служатъ даже чиновниками въ правительственныхъ учрежденіяхъ и говорятъ по-китайски. Другіе говорятъ на своихъ нарѣчіяхъ, сходныхъ съ языкомъ нашихъ сибирскихъ тунгусовъ, живутъ отдѣльными семьями или небольшими таборами, управляясь своими выборными старшинами, подъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ, къ которымъ обращаются лишь въ важныхъ случаяхъ. Гольды (часть ихъ живетъ и въ русскихъ владѣніяхъ) дома строятъ по китайскому образцу, а у остальныхъ жилищами обыкновенно служатъ шалапи, крытые берестой или выдѣланными звѣринными шкурами. Шкуры звѣрей, а у гольдовъ рыбы, даютъ большую частью матеріалъ и для одежды. Лѣто и осень большинство этихъ народцевъ проводятъ на берегахъ рекъ, занимаясь рыболовствомъ, а зимой перекочевываютъ въ лѣса и горы для охотничьяго промысла. Звѣрей ловятъ каиканами, бьютъ изъ луковъ, самострѣловъ и ружей. Любопытно, что гольды рѣшаются убивать тигровъ и барсовъ, только по необходимости, когда приходится спасать свою жизнь. Въ такомъ случаѣ убитаго звѣря хоронятъ съ почечтомъ—кладутъ въ гробъ, плачутъ и причитаютъ, увѣ-

ряя, что онъ самъ виноватъ въ своей гибели. По религії охотничыи тунгусскія племена Маньчжуріи—грубые язычники. Колдуны или шаманы у нихъ въ большомъ почетѣ. Къ ихъ помощи обращаются, когда злые духи шлютъ болѣзнь или какую-нибудь бѣду. Приглашенный шаманъ прыгаетъ, кривляется, неистово колотить въ бубенъ, бормочеть непонятныя слова, прыскаетъ водою на больного и наконецъ падаетъ въ полномъ изнеможеніи.

Китайское правительство долго оставляло бродячихъ туземцевъ въ покоѣ, ограничиваясь сборомъ дани въ видѣ звѣриныхъ шкуръ, но теперь оно привлекаетъ ихъ въ военную службу, даже заводить школы для обученія китайскому языку и т. п. Разумѣется, благодаря китайскимъ порядкамъ, туземцы ничего не выигрываютъ отъ этой перемѣны и становятся еще бѣднѣе, чѣмъ прежде.

Маньчжуры, по имени которыхъ называется описываемая страна, принадлежатъ къ той же тунгусской группѣ, къ которой относятся, какъ перечисленные народы, такъ и наши сибирскіе тунгусы. Въ половинѣ XVII-го вѣка маньчжуры, ставъ во главѣ другихъ тунгусскихъ племенъ, покорили Китай, гдѣ и нынѣ царствуетъ маньчжурская династія. Съ тѣхъ поръ много маньчжуръ уходило въ Китай служить въ войскахъ боярхана и тамъ оставалось, а на мѣсто ихъ являлись китайцы и женились на маньчжуркахъ. Поэтому большинство маньчжуръ, хотя и называетъ себя этимъ именемъ, но по наружности и языку ничѣмъ не отличаются отъ китайцевъ: Чистокровные маньчжуры на сѣверѣ не составляютъ болѣе $\frac{1}{20}$ всего населенія, а на югѣ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Въ самой Маньчжуріи по-маньчжурски говорятъ очень немногие изъ природныхъ маньчжуръ и ихъ письменность давно забыта и замѣ-

нена китайской. Одежда и жилище современныхъ маньчжуръ ничѣмъ не отличаются отъ китайскихъ. Точно также они усвоили цѣликомъ китайскіе религіозные вѣрованія и обряды. Но въ характерѣ природныхъ маньчжуръ, хотя и окитаившихся, есть черты отличные отъ китайцевъ. Подобно нашимъ сибирскимъ тунгузамъ, это народъ веселый, живой, храбрый, привѣтливый и обходительный съ иностранцами. Они очень легко воспринимаютъ новое и быстро приспособляются ко всякимъ перемѣнамъ обстоятельствъ.

Отъ китайцевъ маньчжуры отличаются положеніемъ, занимаемымъ ими въ странѣ. Они составляютъ особое военное сословіе, имъ нарѣзано известное количество земли, которую они сами распредѣляютъ на участки—по нѣсколько десятинъ на каждого строевого.

Податей Китаю они за эту землю не платятъ, но зато выставляютъ ополченіе, которое дѣлится на 8 полковъ по знаменъ, различающихся цветомъ знамени и тесьмы на солдатскихъ курткахъ.

Кромѣ военной службы маньчжуры несутъ и нѣкоторая другія повинности, напр., перевозять почту и содержать лошадей на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ. Свои земли маньчжуры частію обрабатываютъ сами, частію отдаютъ въ аренду китайцамъ.

Долгое время китайцы не имѣли права владѣть въ Маньчжуріи землей и занимать тамъ казенные должности. Но сохранить Маньчжурію исключительно для однихъ маньчжуръ китайскому правительству не удалось. Гонимые нуждою и частыми народными бѣдствіями изъ своей густо населенной родины китайцы съ давнихъ поръ стали селиться здѣсь и основали на югѣ страны первые города. Съ половины XIX-го вѣка китайскіе выходцы стали направляться и въ сѣверную Маньчжурію, и съ каждымъ годомъ притокъ этотъ

усиливался. Шли сюда золотоискатели, несмотря на то, что добыча золота была запрещена, искатели цѣлебнаго корня растенія жэнъ-шэнъ, спасались преступники отъ законной кары, бродяги и въ большомъ числѣ мирные земледѣльцы, которые принялись вырубать лѣса подъ пашни и огороды и завели крупную торговлю продуктами сельского хозяйства. Для разныхъ промысловъ весь этотъ пришлый людъ соединялся обыкновенно въ общества или артели, управлявшіяся выборными старшинами. Кому не удавалось устроиться и добыть себѣ кусокъ хлѣба, тѣ превращались въ разбойниковъ—«хунхузовъ», которые держали иногда въ осадѣ цѣлые области, да и теперь нерѣдко наводятъ страхъ своими грабежами и набѣгами.

Въ послѣднія десятилѣтія китайское правительство, желая водворить порядокъ въ странѣ, а также опасаясь Россіи, всячески стало поощрять китайскихъ земледѣльцевъ къ поселенію въ сѣверной Маньчжуріи, и теперь они составляютъ здѣсь значительную часть населения. Между прочимъ, китайцы отлично воспользовались для этой цѣли нашей желѣзной дорогой и въ 1900—1903 г. успѣли переправить сюда множество своихъ поселенцевъ.

Что касается средней и южной Маньчжуріи, то она по населенію почти ничѣмъ не отличается отъ Собственнаго Китая. Благодаря своей численности и школамъ, устраиваемымъ во всѣхъ, даже маленькихъ деревняхъ, китайцы современно окитаили маньчжуръ, и, при своемъ трудолюбіи и воздержности, все захватили въ свои руки — и земледѣліе, и торговлю, и ремесла.

VI.

Земледѣліе является главнымъ занятіемъ осѣдлаго населенія Маньчжуріи и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣшня вулканическія и лесовыя земли (лесь-желтоземъ) чрезвычайно плодородны, а лѣтнихъ засухъ не бываетъ.

Кромѣ того китайцы—образцовые земледѣльцы и ухитряются снимать хорошие урожаи тамъ, где всякий земледѣлецъ отступилъ бы. Даже на скалистомъ Ляодунскомъ полуостровѣ они находятъ возможнымъ повсемѣстно заниматься земледѣлемъ. Китаецъ прежде всего тщательно удобряетъ землю.

Передъ каждымъ крестьянскимъ домомъ непремѣнно красуется запасъ удобрений—куча, сложенная изъ дерна, рѣчного ила, навоза, разныхъ нечистотъ и отбросовъ. По тщательности обработки маньчжурское земледѣліе, какъ и вездѣ въ Китаѣ, походитъ на огородничество. Пашня дѣлится на грядки, вытянутыя такъ, чтобы господствующіе весенніе вѣтры и дождевые потоки не вредили посѣвамъ. Сѣмена не разбрасываются, какъ у насъ, а тщательно садятся руками на грядки. Съ появлениемъ всходовъ нѣсколько разъ перепахиваются борозды плугомъ; сорные травы выпалываютъся. Понятно, такая работа требуетъ много времени и рабочихъ рукъ. Лѣтомъ китайцы отъ мала до велика почти не сходятъ съ поля, где всегда дѣла найдется.

Пашни въ Маньчжуріи не запускаются подъ паръ. Пашня дѣлится на нѣсколько участковъ, и каждый участокъ засѣвается ежегодно разными растеніями въ такомъ порядкѣ, чтобы одинъ посѣвъ подготавлять почву для другого.

Изъ здѣшнихъ хлѣбныхъ растеній первое мѣсто занимаетъ просо. Высшіе сорта его имѣютъ низкій

стебель, а зерно бѣлаго или золотистаго цвѣта. Низшіе сорта проса известны подъ именемъ гаоляна. Его толстые стебли имѣютъ аршина четыре въ высоту, а зерно собирается въ громадную кисть, похожую на метелку. Зерно гаоляна идетъ въ пищу людямъ и скоту и на перегонку мѣстной водки или ханьшина; стебли употребляются на топливо, на материалъ для крыши и другихъ подѣлокъ. Изъ другихъ зерновыхъ хлѣбовъ въ Маньчжуріи сѣютъ пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, кукурузу, а на югѣ рисъ суходольный и рисъ обыкновенный. Второе мѣсто послѣ проса въ здѣшнемъ хозяйствѣ занимаютъ горохъ и бобы. Эти растенія идутъ въ пищу; изъ бобовъ добываютъ масло, при чёмъ бобовые жмыхи прессуются въ большие круги, которые идутъ на кормъ скоту, а также изъ нихъ дѣлаютъ особаго рода кисель и лапшу, потребляемую на мѣстѣ и вывозимую въ большомъ количествѣ въ Китай.

Макъ въ Маньчжуріи начали разводить сравнительно недавно—лѣтъ сорокъ тому назадъ, а теперь онъ занимаетъ очень видное мѣсто въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Разводить его вездѣ, а по среднему теченію Сунгари цѣлыхъ тысячи десятинъ скрываются подъ красивыми, разноцвѣтными головками этого растенія. Изъ надрѣзовъ маковыхъ головокъ получается опіумъ, который въ большомъ ходу въ Азіи, какъ одуряющее курево. Вслѣдствіе того, что куреніе опіума приносить большой вредъ, китайское правительство запрещаетъ разведеніе мака и добычу опіума, но изъ этихъ запрещеній ничего не выходитъ, такъ какъ добыча опіума даетъ слишкомъ соблазнительные барыші—болѣе 600 руб. въ лѣто чистаго дохода съ десятины. Табакъ, очень хорошаго качества, сѣютъ повсемѣстно и для вывоза въ Китай и для мѣстнаго

потреблениія, такъ какъ здѣсь курить начинаютъ съ девяти лѣтъ, а въ зрѣломъ возрастѣ ни мужчины, ни женщины не разстаются съ трубкой. Изъ другихъ растеній въ Маньчжуріи разводятъ коноплю, ленъ, на югѣ у морского прибрежья хлопчатникъ, индиго, дающій китайцамъ ихъ любимую синюю краску.

Огородничествомъ китайцы занимаются всюду съ большой любовью и умѣньемъ и выращиваютъ много разнообразныхъ овощей.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ населеніе, кромѣ охоты, занимается разными лѣсными промыслами: рубкой и сплавомъ лѣса, обжиганіемъ угля, сборомъ орѣховъ и, наконецъ, собирають лѣкарственныхъ растеній, которыхъ здѣсь насчитываютъ сотни три. Изъ этихъ растеній особенно цѣнится жэнъ-шень, который, по мнѣнію китайцевъ, служитъ наилучшимъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней, возстановляетъ силы и можетъ даже продлить человѣческую жизнь. Въ лѣкарство идетъ корень жэнъ-шена, похожій на морковку. Подвергаясь опасности погибнуть отъ голода, дикихъ звѣрей и лихихъ людей, многіе китайцы бродятъ по самымъ глухимъ лѣснымъ оврагамъ въ поискахъ за этимъ драгоценнымъ корнемъ, высшіе сорта котораго цѣнятся дороже золота. Теперь разводятъ жэнъ-шень и искусственно на грядкахъ подъ навѣсами, но такой цѣнится гораздо дешевле дикаго.

Въ нѣдрахъ маньчжурскихъ горъ есть соль, сѣра, ртуть, серебро-свинцовая руды и наконецъ во многихъ мѣстахъ встрѣчается буровато-красный золотоносный песокъ. Золота по всей вѣроятности много въ Маньчжуріи, и далеко еще не всѣ его мѣсторожденія открыты. Издавна здѣсь множество бродячихъ бездомныхъ китайцевъ занималось тайной добычей золота. Однажды занялись этимъ дѣломъ и русскіе, открывъ въ сѣверной

Маньчжуріи, на берегахъ рѣчки Желтуги, богатыя залежи золота (1883 г.). Какъ только разнесся обѣ этомъ слухъ, хлынули сюда изъ Сибири и даже изъ Европы и Америки искатели приключений и легкой добычи. Года черезъ три на Желтугѣ набралось тысячъ 15 золотоискателей, изъ которыхъ двѣ трети были русскіе. На первыхъ порахъ власти никакой не было, и среди желтугинцевъ безнаказно совершились самыя вопиющія преступленія. Наконецъ безначаліе и разбой всѣмъ стали невтерпѣжъ, и желтугинцы выбрали изъ своей среды старшину и установили строгія наказанія за преступленія. Для остраски въ первый же день повѣсили человѣкъ 30, виновныхъ въ убийствахъ, а затѣмъ недѣли двѣ продолжалась порка менѣе важныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ порядокъ былъ восстановленъ. Желтугинское населеніе скоро превратилось въ цѣлый городъ, гдѣ были и лавки, и трактиры, и бани, даже циркъ и звѣринецъ. Разные товары привозились сюда на пароходахъ изъ германского города Гамбурга. Китайское правительство нѣкоторое время не знало, что дѣлать, наконецъ послало сильное войско, которое и разграбило Желтугу (въ 1886 г.). Одна китайская компания потомъ занялась разработкой желтугинскихъ пріисковъ, но они уже сильно истощились. Вообще, добыча золота, да и другихъ ископаемыхъ въ Маньчжуріи имѣть небольшіе размѣры.

Обрабатывающая промышленность въ Маньчжуріи развита слабо. На первомъ мѣстѣ стоятъ заводы маслобойные и водочные или ханшинные.

Китайская водка или ханшинъ выдѣлывается изъ гаоляна. Маленькие ханшинные заводы помѣщаются въ обычновенныхъ фанзахъ, а для большихъ устраиваются обширныя помѣщенія. Кроме производства и торговли ханшиномъ, эти заводы часто служатъ для склада и

торговли и другими товарами. Такъ какъ здѣсь есть чѣмъ поживиться разбойникамъ-хунхузамъ, то заводы обыкновенно окружены крѣпкими стѣнами, содержать вооруженную стражу, иногда имѣютъ для обороны даже пушки.

Встрѣчаются въ окрестностяхъ маньчжурскихъ го-
родовъ также небольшіе заводы кирпичные, кожевен-
ные и др., но ихъ немного. Вообще, обрабатывающая
промышленность здѣсь имѣеть видъ кустарной и
удовлетворяетъ лишь скромнымъ потребностямъ тузем-
наго населенія. Впрочемъ, издѣлія здѣшнихъ кустарей
и ремесленниковъ нерѣдко отличаются большой тон-
костью отдѣлки, такъ какъ китаецъ работаетъ не спѣша
и любить самый процессъ работы. Изъ мѣстныхъ ку-
старныхъ промысловъ любопытнымъ является изгото-
ление изъ картона изображеній лошадей, быковъ, фанзъ
и др. предметовъ, а также выдѣлка деревянныхъ осто-
вовъ животныхъ въ натуральную величину, оклеивае-
мыхъ бахромчатой бумагой подъ цвѣтъ шерсти. Эти
фигуры употребляются для китайскихъ погребальныхъ
церемоній.

Изъ животныхъ въ Маньчжуріи разводятъ рогатый скотъ, но коровъ никогда не доять; держать лошадей, ословъ муловъ и свиней; овецъ здѣсь очень мало. Крупный скотъ разводится почти исключительно для полевыхъ работъ и перевозки тяжестей и круглый годъ содер- жится въ стойлахъ. Скотъ, который пригоняется изъ Маньчжуріи въ Уссурійскій край, не здѣшняго про- исходенія, а идетъ только черезъ Маньчжурію изъ Монголіи. На югѣ страны занимаются шелководствомъ, при чемъ черви здѣшней шелковичной бабочки вскарм- ливаются листьями особыхъ породъ дуба. Пчеловодство здѣсь появилось недавно, но успѣло уже принять зна- чительные размѣры.

Внутренняя торговля Маньчжуріи, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, ограничивается предметами первой необходимости. Вывозятся изъ страны исключительно продукты сельского хозяйства — хлѣбъ, масло, бобовые жмыхи и т. п. Изъ внутреннихъ частей страны эти товары идутъ по грунтовымъ дорогамъ и рѣкамъ въ приморскіе города, а оттуда въ Китай и Японію. По мѣрѣ того, какъ растетъ населеніе страны, увеличивается и вывозъ, хотя торговлѣ много вредятъ грабежи хунхузовъ, взяточничество и произволъ китайскихъ чиновниковъ, а также плохое состояніе дорогъ. Только недавно мы устроили здѣсь нашу Восточно-Китайскую желѣзную дорогу, а всѣ остальные дороги — грунтовыя. На этихъ дорогахъ устроены мости, въ горахъ выемки, по сторонамъ дороги вырыты канавы, но все-таки ъѣза по этимъ дорогамъ сравнительно легка только осенью и зимой, когда глинистый грунтъ твердѣеть. Во время дождей дороги превращаются въ рядъ лужъ и топей, разливаются рѣки, такъ что движеніе почти прекращается. Въ сухое время высокія колеса здѣшнихъ телѣгъ и повозокъ уходятъ по ступицѣ въ глубокія колеи и выбоины; повозку такъ качаетъ на ухабахъ, что сѣдокъ долженъ постоянно беречь свою голову, телѣги и повозки часто ломаются. Грузы здѣсь перевозятъ или выоками или на громадныхъ двухколесныхъ телѣгахъ, на которыхъ накладываютъ пудовъ до 200, впряженая за разъ штуку до 12 лошадей или муловъ. Движеніе по маньчжурскимъ дорогамъ очень оживленное. Множество людей живетъ только извозомъ. Для возчиковъ всюду по дорогамъ устроены постоянные дворы — большія одноэтажныя зданія, человѣкъ на 200, украшенныя выѣской въ видѣ рыбы на красномъ шестѣ.

VII.

Въ одѣждѣ, обстановкѣ, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ осѣдлого населенія Маньчжуріи мы встрѣчаемъ почти то же самое, что и въ настоящемъ, застѣнномъ Китаѣ. Новое стало проникать въ здѣшнюю жизнь недавно, когда въ краѣ появились русскіе и рельсовый путь пересѣкъ Маньчжурію. Одежда здѣшняго китайца или окитаившагося маньчжура почти неизмѣнно состоитъ изъ долгополаго синяго халата, похожей на кофту куртки (курма) и мягкихъ войлочныхъ сапогъ или туфель. Состоятельный люди или чиновники сверхъ курмы одѣваютъ еще безрукавку и носятъ круглую шапку съ шерстянымъ шарикомъ на макушкѣ. Мандарины носятъ особыя круглые шляпы съ загнутыми полями. Коса считается священнымъ украшеніемъ китайца, который заботливо ухаживаетъ за своей косою. Передняя часть головы выбриается, а въ косу вплетаются черные тесемки съ кисточками, чтобы коса казалась длиннѣе. Поэтому на парикмахеровъ здѣсь спросъ большой, хотя они считаются людьми презираемыми. Они составляютъ особый цехъ и работаютъ или у себя на дому, или расхаживаютъ по улицамъ и дворамъ съ коромысломъ, на которомъ висятъ два ящика—одинъ служитъ стуломъ для клиента, а въ другомъ лежатъ инструменты для стрижки и бритья.

Маньчжурки, въ отличіе отъ китаянокъ, не уродуютъ себѣ ногъ. Женщины носятъ такие же шаровары и кофту, какъ и мужчины, а поверхъ одѣваютъ красивый, иногда даже роскошный черный или цветной халатъ съ широкими рукавами. Волосы собираются въ затѣйливую прическу съ цветкомъ и множествомъ булавокъ и спилекъ. Лицо знатныхъ или состоятельныхъ

маньчжурокъ и китаянокъ, а также ихъ дѣтей, всегда покрыто толстымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ.

Заглянемъ въ маньчжурскую деревню.

Издали маньчжурская деревня со своими сѣровато-коричневыми избами (фанзами) нѣсколько похожа на русскую, но вѣдѣшь — совсѣмъ не то. Вдоль улицъ деревни тянутся глиняные заборы, а за заборами стоятъ фанзы-мазанки въ 2 или 3 комнатки, съ сѣнями и большими окнами, заклеенными вместо стекла бумагой, пропускающей тусклый полусвѣтъ. Вокругъ комнаты тянутся глиняная лежанка (канъ), которая начинается отъ очага съ вмазаннымъ въ него большимъ котломъ и обходитъ весь домъ. Дымъ проходитъ внутри каны и выходитъ наружно деревянною трубою. Топить китайскую печь нужно умѣючи, иначе въ фанзѣ будетъ угаръ, и канъ такъ накалится, что на него ни сесть, ни лечь нельзя, а каны служатъ и скамейками и кроватями. Вонь, грязь и насѣкомыя составляютъ обычную принадлежность китайского жилья. Рядомъ съ фанзой кладовая для овощей, хлѣвы, а у иныхъ и маленькая домашняя кумирня. Всѣ эти постройки окружены невысокой деревянной или глинобитной стѣной, образующей дворъ. По угламъ стѣны нерѣдко устраиваются башенки, откуда можно стрѣлять въ случаѣ нападенія разбойниковъ-хунхузовъ. Обычнымъ украшеніемъ воротъ служитъ картина съ изображеніемъ духовъ-покровителей домашнаго очага. На нѣкоторыхъ дворахъ помышдается и огородъ. Дома и усадьбы маньчжурской деревни образуютъ запутанную сѣть улицъ и переулковъ, то пыльныхъ, то непроходимо грязныхъ, смотря по времени года. «Въ деревнѣ пахнетъ дымомъ, пылью, навозомъ и особымъ прянымъ и немного противнымъ запахомъ китайца. Большия лохматыя собаки лежатъ у заборовъ, валяются въ грязи; тутъ-же бродятъ и

маленькия черные свиньи съ длинною шерстью, противного вида. Пѣтухи и куры сидятъ на настѣнахъ, у воротъ висятъ тряпки съ надписями хорошихъ желаній на новый годъ, иногда вывѣшена клѣтка и въ ней жаворонки и другія пѣвчія птицы. Иногда показается манза (маньчжурскій крестьянинъ) въ сѣромъ балахонѣ, выплынутъ разодѣтыя въ зеленые и синіе китайскіе шелки маньчжурскія бабы и дѣвки, увидѣть русскихъ, и бѣгомъ трусливо спрячутся за дворами. Въ растворенные ворота видны просторные дворы. Посреди нихъ на циновкахъ навалены кочни капусты, помидоры, насыпаны зерна чумизы и хлѣба. Гдѣ-нибудь въ углу привязаны лошади и мулы, да большой красный лохматый быкъ задумчиво стоитъ у открытыхъ дверей фанзы» (П. Красновъ).

Большія торговые села часто превращаются въ города. Начальство, оцѣнивъ значеніе такого села, строитъ присутственная мѣста, обносить ихъ кирпичной стѣной съ высокими воротами и сторожевой башней, присыпаетъ небольшую военную команду— вотъ и городъ. Въ такомъ случаѣ къ названию села присоединяются слова «ченъ» (городъ) или «сянь» (уѣздъ). Эти новые города, а ихъ возникло много, въ сущности не что иное, какъ большія деревни и отличаются отъ послѣднихъ только большімъ шумомъ и торговымъ оживленіемъ. Городскія фанзы своимъ видомъ и устройствомъ мало отличаются отъ деревенскихъ и такъ же окружены заборами и глинобитными стѣнами.

Старые города окружены обыкновенно зубчатыми кирпичными стѣнами, надъ которыми высятся башенки съ круглыми крышами. Нѣкоторые города, напр., Цицикаръ, имѣютъ еще внутреннее укрѣпленіе (импань), вродѣ нашего кремля, гдѣ помѣщается дворецъ правителя города, казармы, тюрьма и другія правитель-

ственные зданія. Изъ многочисленныхъ городовъ Маньчжуріи наиболѣе значительными являются Цицикаръ на Нонни, возникшій въ XVII в., Гиринъ на Сунгари, основанный въ 1673 г., какъ оборонительный оплотъ противъ русскихъ, и Мукденъ—древняя столица Маньчжуріи.

Мукденъ имѣетъ для китайцевъ историческое значеніе, вродѣ нашей Москвы. Онъ былъ родиной царствующей въ Китаѣ династіи, и въ нѣсколькихъ verstахъ отъ города находится обнесенное кирпичной стѣной съ башнями кладбище первыхъ маньчжурскихъ императоровъ. Остатки старины хорошо сохранились въ Мукденѣ. Городъ окружено глинобитной стѣной верстъ въ 20 длины, а внутри находится другое укрѣпленіе въ видѣ четыреугольника верстъ 5 въ окружности съ очень высокой и толстой сѣрой кирпичной стѣной. По всей стѣнѣ устроены бойницы, а по угламъ и надъ воротами башни. Со стѣнѣ города открывается цѣлое море двускатныхъ черепичатыхъ крыши, надъ которыми поднимаются башенки многочисленныхъ кумиранъ и башня императорскаго дворца. Послѣдній стоитъ среди садовъ въ самомъ центрѣ города за стѣной, украшенной желтыми изразцами. Въ городѣ довольно много деревьевъ, садиковъ и большихъ прудовъ съ грязной водой. Прямые и широкія улицы города почти сплошь заняты всевозможными лавками, лавочками и мастерскими; иногда цѣлые улицы сплошь торгуютъ однимъ какимъ-нибудь товаромъ или заняты одинаковыми мастерскими. На торговыхъ улицахъ царить большое оживленіе и этимъ онъ отличается отъ боковыхъ улицъ и переулковъ, гдѣ тянутся стѣны амбаровъ и глиняныхъ заборовъ.

Уличная жизнь въ Мукденѣ, да и въ другихъ большихъ маньчжурскихъ городахъ, представляетъ пеструю

и своеобразную картину. Тянутся безконечные ряды лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ торгуютъ всякой всячиной: и чеснокомъ, и сбруей, и матеріями, и гробами, и картинами и пр. и пр. Вотъ лавочка, гдѣ туземный докторъ предлагаетъ свои услуги и продаетъ различные лѣкарства и снадобья, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ тигровыя кости и сердце, и различные части змѣи. Лавочка эта или аптека заставлена ящичками и фланонами, а съ потолка спускаются на веревочкахъ лечебники и рецепты. Тутъ же на улицѣ цирюльникъ брѣть головы и заплетаетъ китайцамъ косы, сапожникъ шьетъ сапоги, фокусники даютъ представленія; на открытомъ воздухѣ и подъ навѣсами происходитъ стряпня; всѣ трактиры и лавочки для куренія опiumа полны народомъ. Своеобразный видъ даютъ лавкамъ ихъ вывески: торговецъ платьемъ вывѣсилъ громадную рубаху, мѣняла—громадную связку деревянныхъ изображеній китайской монеты—чохъ (кружокъ изъ особаго сплава, съ квадратной дырочкой въ центрѣ; например рубль по цѣнѣ=500 чоховъ) и т. п. Одни торговцы, въ ермолкахъ съ карапловыми шариками, степенно сидятъ, другіе звонятъ въ гонги или пронзительно зазываютъ покупателей. Пробираются погонщики быковъ и муловъ, звонко выкрикивающіе «йогъ, йогъ»; снуютъ въ толпѣ огромное количество нищихъ, одежда которыхъ состоитъ изъ наброшенного старого мѣшка, а иногда и совсѣмъ отсутствуетъ. Вотъ по людной улицѣ тянетсѧ погребальная процессія: несутъ шесть съ флагами и изображеніемъ дракона, бумажные изображенія домовъ и разныхъ предметовъ; расписанный и отполированный гробъ подъ вышитымъ балдахиномъ: за нимъ вереница экипажей, въ которыхъ сидятъ наrumяненные китайцы и китаянки и, наконецъ, въ простыхъ двуколкахъ наемные плакальщицы, кото-

рыя воютъ и причитаютъ не хуже нашихъ деревенскихъ бабъ.

Погребеніе у китайцевъ—одно изъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Множество мастерскихъ занимаются выдѣлкой цѣнныхъ по отдѣлкѣ и материалу гробовъ, которыми китайцы запасаются обыкновенно еще при жизни. По китайскому вѣрованію, каждый добродѣтельный человѣкъ послѣ смерти вступаетъ въ сонмъ добрыхъ духовъ, окружающихъ Бога, и помогаетъ своимъ родичамъ. Поэтому въ каждомъ домѣ есть алтарь для поклоненія предкамъ, и ихъ имена записаны на лакированныхъ дощечкахъ. Всѣ китайцы и маньчжуры поклоняются усопшимъ предкамъ и вѣрять въ верховное Существо, которое называютъ Господинъ или Небо, но въ другихъ отношеніяхъ по религіи не всѣ одинаковы: одни язычники—буддисты, другие придерживаются самой грубой формы язычества, при чемъ посредниками между богами и людьми считаются колдуны-шаманы, а настоящею государственной религіей считается учение китайскаго мудреца Конфуція (V в. до Р. Х.), которое сводится къ разнымъ правиламъ нравственности и общежитія.

Въ городахъ и деревняхъ Маньчжуріи встрѣчается множество кумиренъ или языческихъ храмовъ, заставленныхъ идолами самой разнообразной величины и формы, сдѣланными изъ камня, металловъ, даже изъ соломы и пестро раскрашенными. Одни идолы похожи на людей, другіе изображаютъ всевозможныхъ чудовищъ, вродѣ того, какъ у насъ рисуютъ чертей. При кумирняхъ состоитъ много бонзъ или жрецовъ, которые выжигаютъ передъ идолами свѣчи и куренія, звонятъ въ колокола и била, бьютъ въ барабаны и совершаютъ моленія, пользуясь за это приношеніями отъ богомольцевъ и имуществами, принадлежащими кумир-

нямъ. Въ большинствѣ случаевъ бонзы болѣшіе любили опія и ханшина и уваженія къ себѣ не внушаютъ. Да и вообще китайцы и маньчжуры не отличаются на божностью. Они довольно равнодушно относятся къ своимъ идоламъ и никакъ не возмущались тѣмъ, когда кумири отводились подъ военные надобности. Среди горожанъ въ Маньчжуріи теперь есть значительное число мусульманъ—выходцевъ изъ застѣнного Кита. Это народъ вообще порядочный, живутъ они чище и болѣе другихъ склонны къ сближенію съ европейцами. Проповѣдь христіанства въ Маньчжуріи начата была давно, лѣтъ шестьсотъ тому назадъ, католическими проповѣдниками, но прочныхъ успѣховъ не имѣла. Больше тамъ дѣйствуютъ католические и протестантскіе миссіонеры, стараясь привлечь населеніе устройствомъ больницъ и сиротскихъ домовъ. Но по причинѣ религіознаго равнодушія туземцевъ и нерасположенія къ иностранцамъ христіанство въ Маньчжуріи имѣть мало послѣдователей.

VIII.

Для управлениія Маньчжурія дѣлится на три провинціи съ главными городами—Цицикаромъ, Гириномъ и Мукденомъ, а провинціи дѣлятся на болѣе мелкія части—области (фу), отдѣлы (тинъ), округа (чжоу), уѣзды (сянь) и участки. Провинціями управляютъ генераль-губернаторы (дзянъ-дзюни), которые въ знакъ своего достоинства носятъ на шапкѣ розовый шарикъ и павлинье перо. Въ ихъ распоряженіи находятся войска, правительственные учрежденія, назначеніе чиновниковъ и право распоряжаться жизнью всѣхъ обитателей провинціи. По единодушному отзыву всѣхъ знатоковъ Маньчжуріи, управлениe въ этой странѣ идетъ изъ рукъ вонъ плохо. Взяточничество и произволъ чиновниковъ

цаять повсемѣстно, а защиты и обороны своихъ интересовъ и безопасности народъ почти не видѣтъ. Поэтому жители во многихъ мѣстахъ устраиваютъ вооруженные союзы, чтобы защищаться отъ хунхузовъ и другихъ лихихъ людей; даже крестьяне обносятъ свои усадьбы прочными стѣнами, а заводы и богатые люди держать цѣлые караулы вольнонаемныхъ солдатъ. Шайки хунхузовъ производятъ постоянные набѣги, держать въ страхѣ цѣлые уѣзды, облагають города данью. Власти обыкновенно оказываются безсильными въ борьбѣ противъ хунхузовъ, или по трусости или потому, что находятся въ стачкѣ съ разбойниками. Впрочемъ, если разбойники попадаются, то имъ рубятъ головы, которые выставляются въ клѣткахъ, а трупы казненныхъ сбрасываются въ общую яму. Вообще, смертные казни въ маньчжурскихъ городахъ совершаются такъ часто, что не производятъ впечатлѣнія. Казнить и хунхузовъ, и обыкновенныхъ убийцъ, даже воровъ, почему мелкаго воровства здѣсь почти не существуетъ. Пытки также въ большомъ ходу и отличаются страшной жестокостью. Всѣ эти пытки и казни мало достигаютъ цѣли, настоящаго порядка въ странѣ нѣтъ, и она не въ силахъ установить его безъ содѣйствія Россіи.

Въ 1644 г. русскіе казаки, подъ начальствомъ Пояркова, появились на Амурѣ, не бывшемъ тогда ничьей собственностью. Меньше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ Приамурье значительной своею частью уже принадлежало Россіи, образовавъ Албазинское воеводство. Китайцы, встревоженные сосѣдствомъ русскихъ, отправили войска и взяли городъ Албазинъ послѣ отчаянной обороны. По Нерчинскому договору (1689 г.) Россія уступила Китаю оба берега Амура. Разрушивъ Албазинъ, китайцы однако оставили средній и нижній Амуръ совершенно свободнымъ, что открывало воз

можность русскимъ снова утвердиться здѣсь. Во второй половинѣ XIX-го вѣка, въ царствование Императора Александра II, благодаря энергіи Иркутского генераль-губернатора Муравьевъ, Амурскій край былъ возвращенъ Россіи, а затѣмъ русское владычество распространилось и на Уссурійскій край. Сюда были направлены русскіе поселенцы, возникли города Николаевскъ, Благовѣщенскъ. Но движеніе Россіи къ незамѣряющимъ берегамъ Великаго океана на этомъ остановиться не могло. Въ 1891 г. былъ положенъ во Владивостокѣ первый камень Великаго Сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути. Такъ какъ проложеніе дороги по сѣверному берегу рѣки Амура встрѣтило большія трудности и не обѣщало выгода вслѣдствіе малонаселенности края и замерзанія русскихъ гаваней на Великомъ океанѣ, то рѣшено было провести желѣзную дорогу прямо черезъ Маньчжурію, для чего Россія вступила въ соглашеніе съ Китаемъ. Между тѣмъ, японцы задумали захватить хлѣбородную южную Маньчжурію и начали съ Китаемъ войну (1894 г.).

Побѣженные китайцы готовы были уступить Японіи полуостровъ Ляо-дунъ, но Россія, поддержанная Франціей и Германіей, настояла на томъ, чтобы японцы вознаградили себя за побѣды островомъ Формозой. Вслѣдъ затѣмъ Россія арендовала у Китая Квантунскую область на югѣ Ляо-дуна (1898 г.), выстроила здѣсь крѣпость Портъ-Артуръ и Дальний, который долженъ быть служить для насъ дверью въ Великій океанъ, и закончила постройкой Восточную Китайскую дорогу (2420 верстъ общаго протяженія). Дорога эта должна была сдѣлаться главнымъ проводникомъ и оплотомъ русского вліянія въ Маньчжуріи.

АМУРСКАЯ И РИВІНСКАЯ

ОДИННАДЦАТЬ СТАНЦІОННО-ОКОПНЫХъ ОТДЕЛЕНИЙ ВЪ 55-ГО ГОДУ
ДЛЯ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЙ ДОРОГИ
СЕГО ГОДА БЫЛЫ СОСТАВЛЕНЫ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ
КОМІСІИ ВЪ ЧЕРНОМЪ МОРѢ И СЕВЕРНОМЪ ОКЕАНѢ, А ТАКЖЕ
ДЛЯ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЙ ДОРОГИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ
КОМІСІИ ВЪ АМУРСКОМЪ МОРѢ И СЕВЕРНОМЪ ОКЕАНѢ.

СТАНЦІОННО-ОКОПНЫЕ АУДИТОРІИ ЗА СТАНОВІЯ ПІДІМІСІІ

ДЕРЖАВНІ КОПІЇ

ДІЛЕНІЯ СТАНЦІОННО-ОКОПНОВІ АУДИТОРІІ

СТАНОВІЯ ПІДІМІСІІ АУДИТОРІІ ВЪ АМУРСЬКІЙ

ДІЛЕНІЯ АУДИТОРІІ ДЛЯ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ

СЕВІРСКІЕ КОПІЇ

ДІЛЕНІЯ АУДИТОРІІ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ
ДЛЯ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ ВЪ АМУРСЬКІЙ
ДІЛЕНІЯ АУДИТОРІІ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ

ДІЛЕНІЯ АУДИТОРІІ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ
ДЛЯ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ ВЪ АМУРСЬКІЙ
ДІЛЕНІЯ АУДИТОРІІ ПОСТАНОВКИ АМУРСКОЇ ДОРОГИ

УЗАКОНЕНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ

правительства и высшаго церковно-школьного управления по
дѣламъ церковныхъ школъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ: за 1902 г. и начало 1903 года. Цѣна 15 к.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ: за 1903 годъ. Цѣна 10 коп.

ВЫПУСКЪ ТРЕТИЙ: за 1904 годъ. Цѣна 15 коп.

Съ требованиями обращаться въ книжный складъ Училищнаго
Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Вышли въ свѣтъ въ новыхъ изданіяхъ пѣвческія книги:

ЦЕРКОВНЫЕ ХОРЫ.

Часть I. ПѢСНОПѢНІЯ ВСЕНОЩНАГО ВДѢНІЯ.

Для 4-голоснаго смѣшаннаго хора.

Составилъ А. В. КАСТОРСКІЙ. Цѣна 75 коп., безъ пересылки.

СЕЛЬСКИЕ ХОРЫ.

Сборникъ хоровъ и пѣсень для школьнаго и народнаго пѣнія.
(Гимны, канты, хоры на поэтические тексты, народныя пѣсни,
пѣсни западныхъ и южныхъ славянъ).

Цѣна 75 коп., безъ пересылки.

Издательскою Коммисиою Училищнаго Совѣта выпущена
въ продажу **НОТНАЯ БУМАГА** двухъ образовъ:

- 1) для партитуры (4 двойныхъ системы) и
- 2) для голосовъ (пять системъ). Форматъ 6×4 верш.

Цѣна за стопу (480 л.) 3 руб. 50 коп., за дѣсть — 20 коп., безъ
пересылки.

СПБ. — Синодальная типографія. — 1905.

РБ
иц